

АДЕЛЬ АЛЕКСЕЕВА

КОЛОКОЛЬЧИК

Рассказ об актрисе русского крепостного театра Прасковье Ивановне Ковалёвой-Жемчуговой

ХУДОЖНИК А. АЗЕМША

ИЗДАТЕЛЬСТВО „МАЛЫШ“, МОСКВА • 1988

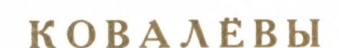
Я расскажу вам о девочке, дочери деревенского кузнеца, которая стала одной из самых известных актрис России в восемнадцатом веке.

Театры были тогда далеко не во всех городах. Вот почему при домах богатых людей стали строить небольшие театральные сцены. А играли на этих сценах, «на киятре», как тогда говорили, слуги князей и графов, крепостные артисты.

В Москве, близ Останкинской телебашни, находится Останкинский дворец-музей творчества крепостных. Двести лет назад этот дворец принадлежал графу Шереметеву. В этом дворце в крепостном театре и играла Прасковья Ивановна Ковалёва-Жемчугова, замечательная актриса того времени.

Коротка была жизнь актрисы — трудно жить народному таланту в крепостной неволе.

КОВАЛЁВЫ

В те времена в России на тысячи вёрст простирались леса. Реки, луга и пашни вдоль рек, деревушка — и снова леса. Были, конечно, и города, но мало их, встречались редко. А так — всё леса, да пашни, да деревушки, да снова леса...

В одной из таких деревушек, в семье кузнеца, и родилась будущая актриса.

Сколько помнит себя девочка, вокруг тёмные стены да светлые окна. Стены избы тёмные оттого, что по вечерам жгли лучину. А окна светлые оттого, что родные места славились мастерами по дереву. Украшали мастера свои избы затейливыми резными наличниками. Не велико и украшение, а всё веселее жить.

Часов в деревне не было. Часами было солнышко. Розовел небосклон рассветом — шли в поле крепостные крестьяне. Со стариками и старухами, с малолетними детьми. Садилось за дальний лес солнышко — семья собиралась за столом.

Щи хлебали из глиняной чашки. Ели кашу. Жевали молча. Пятеро детей в избе, а за столом тихо. Грозен отец, сидящий во главе стола. Чуть не так — а ну-ка ложкой, да по лбу. Не до веселья. Да и то сказать — устали за день.

Старшая дочка положила ложку. Отец строго взглянул:

— Дадено — ешь!

Слово отца — закон. Взяла Прасковья ложку, и снова — за кашу.

Иван Ковалёв работал у барина кузнецом. Приходили к нему из окрестных деревень — коня подковать, скобу выковать, косу, ковш. От слова «ковать» и прозвище ему дали — Коваль. А потом фамилия появилась — Ковалёв.

И вся семья была — Ковалёвы.

КОЛОКОЛЬЧИК

Когда праздник и не надо работать на барщине, мать весело скликала дочерей:

— Прасковья! Матрёна!

В руки — лукошки плетёные, на ноги — лапти липовые, и — в дорогу! В дальний лес!

В лесу Параша находила свою любимую поляну. Там стоял её любимый клён. Небольшое, стройное, складное, ровненькое дерево, всё будто облитое листьями. Нигде — ни в саду, ни в лесу среди иных деревьев такого дерева не найдёшь. Только здесь, на светлой поляне. На воле! Паша любовалась милым клёном, обнимала его.

А вокруг столько разных птиц!

— Фьють!.. Чив, чив!.. Зью, зью!..

Она вторила им. Казалось, птицы принимали её в свой хор. Паша радовалась и чувствовала себя вольной, как птица.

Тут сестра и мать звали Парашу:

— Ау! Ау!

Шли к озеру. Садились на берегу, перебирали грибы и любовались тихими водами. Облака белыми шапками неспешно плыли в озёрной воде. Синий лес глядел на них не сердито, не угрюмо, а с тайной думою. О чём была дума? Кто знает... Небось о воле, счастье, о радости жить?

Низким грудным голосом, протяжно и как бы нехотя запевала Матрёна Ивановна:

Шла утица по бережочку,
Шла утица по крутому.

Ей начинали подпевать девочки, всё скорее, всё веселее приговаривая:

Вы ути, ути, ути, ути, ути,
Вы куда ушли, ушли, ушли, ушли?..

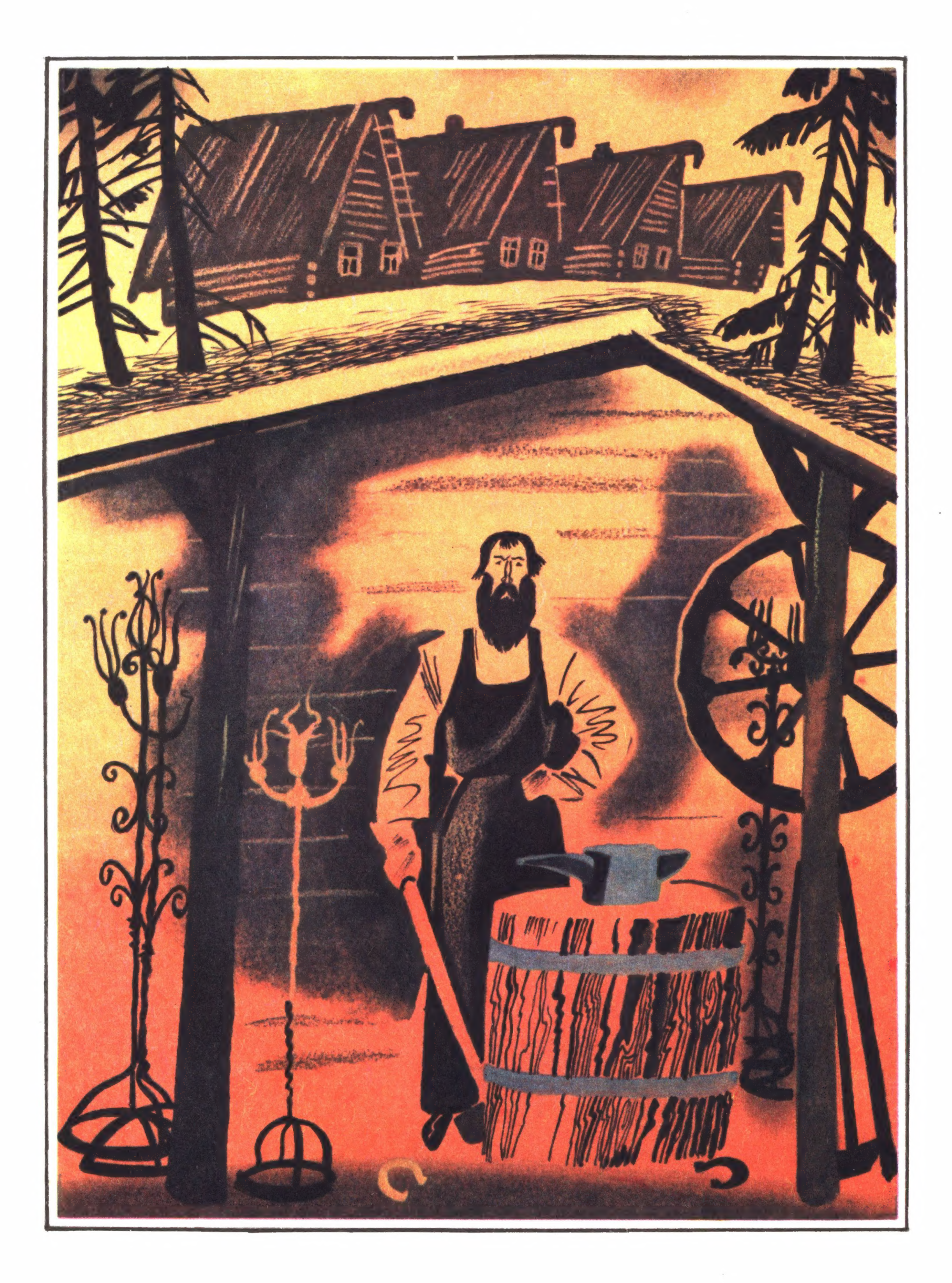
А потом замедляли песню:

Воротитеся назад,
Гуси серые летят!

Паша брала высоко и тонко, а мать низко. Красиво звучала песня!

Параше, когда она пела, виделся клён на любимой поляне, выросший под ласковым солнцем широко и вольно. Слышался шелест ветвей, плеск озёрных вод, шум крыльев пролетающих птиц.

— Колокольчик ты мой! — обнимала дочку мать.

НА КИЯТР!

-С-тук!-стук!-стук! — похоже, ехала бричка.

Отец выглянул в окно.

— Управляющий!

Все всполошились.

Бричка стала.

Иван вышел на крыльцо. В бричке с управляющим сидел ещё кто-то — незнакомый. Управляющий сразу приступил к делу.

— Барин повелели детей, которые к танцам и пению расположены, доставить на киятр!

— Чо есть тако — киятр?

— Киятр — это где поют и пляшут. Дурак!

— О! — второй гость протянул к Параше руку.— Глазки подобны сливам. Пой!.. Можешь?

Параша растерянно взглянула на мать. Обе были напуганы. Тогда отец подтолкнул дочь и басом завёл:

Ка-лин-ка, калин-нка...

Мать нерешительно подтянула:

В саду ягодка малин-ка...

Параша одна высоко, с переливами продолжила:

Под сосною, под зеленою
Спать положите вы меня...

— О!..— сказал человек в туфлях с пряжками. Пряжки эти Параше особенно запомнились. Никогда не доводилось ей видеть таких пряжек.

— Барин! Зачем графу надобны наши детки? — робко спросила Матрёна Ивановна.

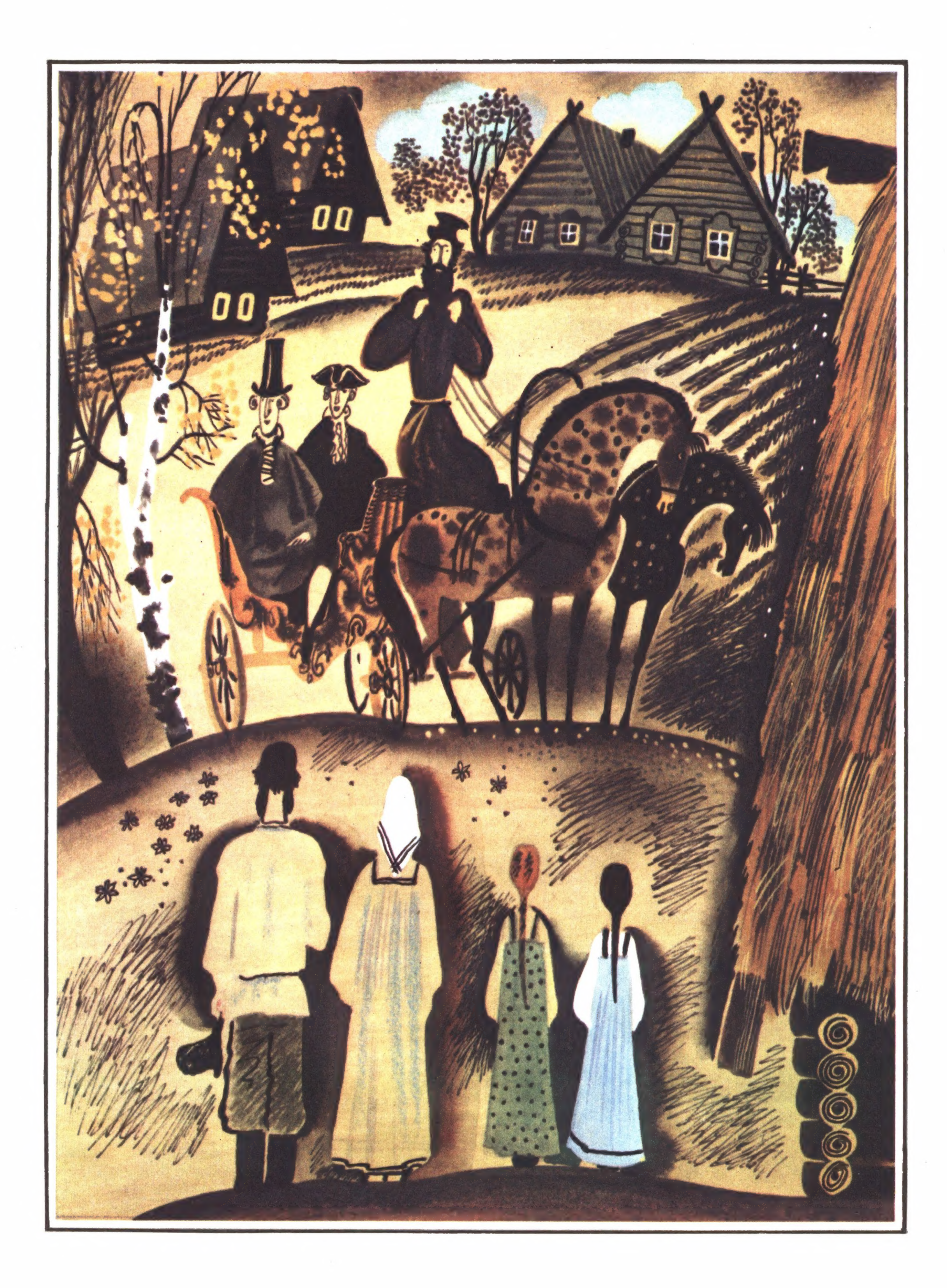
— Веселить надобно графа, киятр они хотят! Кто господину услужить должен? Слуги, холопы его! Вы есть собственность графа Шереметева. Вы есть то же, что... эта скамейка или эта деревня, лес.

Управляющий повернулся к девочке:

— Собирайся! Будешь жить как барыня. Грамоту учить, музыку, манеры господские.

Тут только отец с матерью поняли, что их любимую дочь хотят куда-то увезти. Мать побледнела, хлопнулась в ноги гостю:

— Помилуй, батюшка, да как же мы без неё? Без цветочка, без колокольчика нашего?

— Молчи, дурища! Да знаешь ли, где она жить будет? Что есть-пить будет? Собирай в дорогу. Барыней будет твоя девчонка.

Вечером Иван Ковалёв пришёл из своей кузницы почерневший, злой, совсем сгорбившийся. Ковалёв знал своё крепостное, зависимое положение, знал, что «приписан» к графу и ни паспорта, ни права куда-нибудь уехать или пожаловаться не имел. Но чтобы не распоряжаться своими собственными детьми! — этого он не мог стерпеть!

Кузнец клял на чём свет стоит всех: управляющего, и графа, и соседа своего, но больше всех доставалось ни в чём не повинной жене да детям.

— Угомонись, отец! — плакала Матрёна Ивановна.— На детях лица нет. Напугал ты всех.

Плакала она оттого, что увезут её любимую дочь, что некому будет заступиться за неё, угомонить вспыльчивого мужа.

А Пашенька уложила отца на лавку. Гладила отцову бороду. Принесла отцу ковш с квасом. Кузнец вдруг прижал к себе её головёнку и то ли зарычал, то ли заплакал.

— Не плачьте, тятенька,— уговаривала девочка.— Я вас не позабуду, не брошу, бог даст, деньги будут, я вас из неволи выкуплю...

ЗАЧЕМ УЧИТЬ СОЛОВЬЯ ПЕНИЮ?

На новом месте Паша увидела голубой дом с белыми колоннами. Вокруг дома были дорожки, такие ровные, словно их по верёвочке делали. Дорожки посыпаны жёлтым песочком. Деревья и кусты аккуратные, затейливо подстриженные. Клумбы с невиданными цветами. Пруды с прозрачной водой. Такова была усадьба графов Шереметевых — Кусково.

Таких девочек, как Параша, тут немало. И одна другой лучше. Подбирали их так, чтоб «ликом приятны, станом стройны и видом чтоб негнусны были, а особливо чтоб голос приятный был».

Учили будущих артистов многому. Танцевать и петь отменно. Грамоте, арифметике, географии — науке о разных странах. Итальянскому и французскому языкам: графы-то по-французски говорят, а в операх поют по-итальянски.

Смотрела за девочками бабка Арина Кирилина. Бабка Арина говорила: «Граф приказали, чтоб крепкое смотрение за вами было. Чуть что — по щекам аль на воду посажу. Это ещё у нас старый барин добрый, а у других как? Эвон — розгами сечь приказано».

Параша сначала пуглива была, как козочка, и неловка, как все деревенские дети. Однако когда подвели её к музыкальным инструментам, совсем перестала бояться.

...Жёлтые, похожие на костяные, палочки на деревянной доске издавали нежные звуки. Назывался инструмент — клавесин. А звук струн виолончели похож был на голос матери, который медленно плыл над лесным озером.

Учитель пения, приехавший в Россию из солнечной страны Италии, учил Пашу нотной грамоте. Когда учитель услышал голос девочки, лицо его расплылось в блаженной улыбке и он прошептал: «Соловей!»

— Абсолют! — говорил он потом. Это значило, что у Параши Ковалёвой абсолютный слух, она с первого раза без ошибок повторяла мелодию. И добавил: — Соловей! Зачем учить соловья пению?!

ГРАФ

Однажды девочки остались одни. Новенькая девочка, Таня Шлыкова, предложила сыграть в «молчанку».

— Как это? — спросила Паша.

Та сделала «страшные» глаза и велела повторять: «Сорок анбаров сухих тараканов, сорок кадушек солёных лягушек, кто промолвит, тот и съест».

Никому не хотелось «есть» такую гадость, и все молчали.

Тут вошла надзирательница, спросила что-то, ей никто не ответил. Надзирательница пришла в ярость.

— Дурищи! — кричала она.— На хлеб-воду посажу!

Подскочила к первой попавшейся девочке и принялась бить по щекам.

Скрипнула дверь, и на пороге показался высокий человек в голубом камзоле.

— Мы не приказывали бить. Как ты посмела?

Так в Кускове появился молодой граф Шереметев. Отец его, Пётр Борисович Шереметев, был самым богатым вельможей при дворе императрицы Екатерины Второй.

Вельможа Шереметев захотел создать в своём имении театр. Настоящий театр, как в Европе. И потому, отправляя своего сына Николая во Францию, в Италию по другим делам, наказывал узнать, что нужно для создания театра. Юноша покупал ноты, пьесы, книги о том, как происходит театральное действие. Как строится сцена в театре. Как делаются декорации. Из каких инструментов состоит оркестр. Как изобразить на сцене дождь, гром, наводнение...

Николай Петрович Шереметев привёз из-за границы музыкантов, архитекторов, учителей танцев, инструменты. Пусть русские крепостные, глядя на эти инструменты, сделают свои, и не хуже, а лучше!

В Кускове Николай Петрович Шереметев взялся за театральное дело всерьёз. Читал артистам пьесы, участвовал в репетициях. Был он горяч, решения принимал стремительно, требовал полного повиновения. Впрочем, ему и в голову не приходило, что крепостные могли ослушаться.

Славился вниманием к ученикам. Бывал у них в «репетишной», слушал, сам играл на разных инструментах. Если кто из будущих актёров заболеет, приносил лекарства.

Граф сразу отметил среди учениц черноглазую застенчивую девочку — Парашу Ковалёву.

ДЕВОЧКА ПРАСКОВЬЯ ИВАНОВНА

раф велели тебе идти в репетишную! — громко прошептала, вбегая, Таня Шлыкова.— Скорее, Параша!

Побежали. Дорогой Таня не умолкала: так интересна была новость.

— Их сиятельство сказали, будто надобно петь в опере.

— Какой опере?

— Теперь же узнаешь. Раз они велели. Другие, несогласные, про тебя сказывали: мала ещё. А граф говорят: «маленькая, да удаленькая»...

Параше не исполнилось ещё одиннадцати лет, когда граф определил её играть на сцене.

И вот день премьеры — 29 июня 1779 года.

В усадьбу въезжают золочёные кареты, экипажи. С запяток соскакивают лакеи, торопятся открыть дверцы. Парадные мундиры, фраки, пышные дамские прически. Звучит музыка, бегают слуги. Артисты пробуют голоса.

А в уголке, плотно сжав маленький рот, стоит чёрненькая девочка с гладко причёсанной головкой. «Только бы не потерять от волнения голос! Только бы не забыть роль! Только бы не думать, куда девать руки, как поставить ноги!» — про себя повторяет девочка, и лицо её бледнеет, а глаза становятся всё больше, блестят всё ярче...

Зато когда надо выходить на сцену, девочка совершенно спокойна.

Откуда взялись плавные движения? Уверенный голос?

Сановитые гости держат в руках программки. Там напечатано, что при домовом театре его сиятельства графа П. Б. Шереметева будет представлена комическая опера Гретри «Опыт дружбы». Роли исполняют... Возле каждой роли стояла фамилия артиста, имя и отчество. Служанка Губерт — Прасковья Ивановна... Гости возмущены: крепостная девка Парашка — и Прасковья Ивановна! Большой самовольник этот граф, он нарушает все правила света. По отчеству назвать девочку одиннадцати лет!

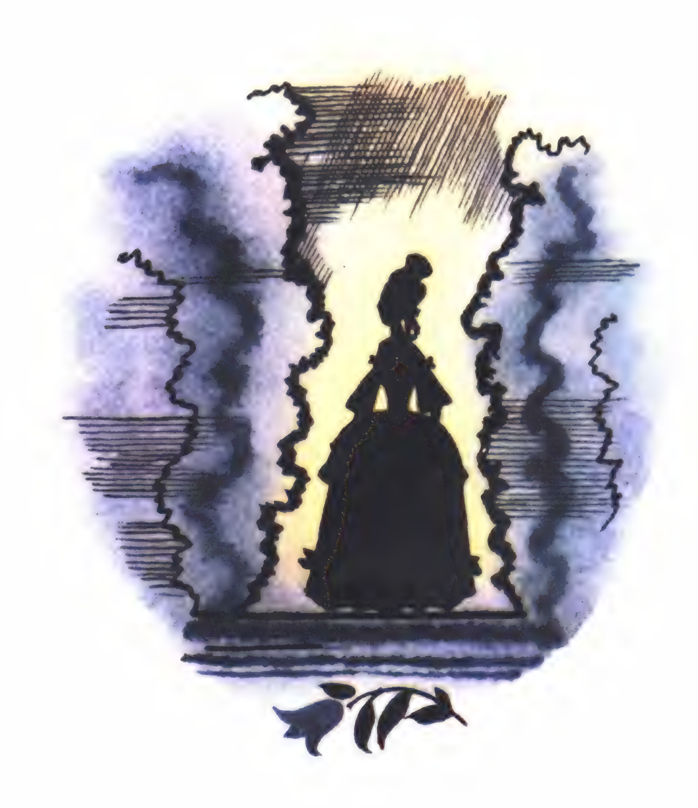
Голубой занавес поднят. Перед сценой сидят музыканты. В ложе на стульях с золочёными ножками — важные гости.

А на сцене происходит вот что. Бланфор и Нелзон — друзья. Оба любят прекрасную индианку Корали. А Корали любит Нелзона. Сила дружбы такова, что Бланфор благословляет любовь товарища.

Параша играла служанку Корали — Губерт. Маленькая Губерт была мила, изящна, лукава, послушна. Она тоже искренне верила в честную дружбу, в благородную любовь, в настоящих, сильных людей.

Опера прошла с успехом, гости кричали «Браво!». Аплодировали. Вероятно, многих умилила и поразила юная актриса. А она кланялась, улыбалась и была счастлива.

Девочка поняла — она будет актрисой. Так Параша стала Прасковьей Ивановной.

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

День рождения был самым счастливым днём в году. Жаркий месяц июнь. Запах цветущей липы. В парке поют птицы. Трепещет листьями любимый клён. И здесь у Параши, как и дома, появился любимый клён, стройный, выросший под солнцем на широкой поляне.

Сегодня Параше — семнадцать. Многое изменилось в её жизни. Сыграно десятки ролей. Среди её героинь — бедные воспитанницы, барышни, госпожи.

Теперь у Параши иная фамилия. «Что за Ковалёва? Дать ей звучную фамилию!» — решил граф и назвал её Жемчуговой, а подругу её, Таню Шлыкову, окрестил Гранатовой. И подарил им по кольцу. В каждом колечке — жемчуг с гранатом.

Ах, какое славное утро! Как всегда, в этот день радостью пахнет липа, о радости поют птицы, и о том же, наверное, шепчут листья любимого клёна.

И дома о том же шепчут листья клёна. Где-то сейчас мать, братишки, любимая сестра Матрёша?

Все небось в поле. Скоро пора травы косить... Параша исправно посылает семье деньги. Невелики деньги, да всё помощь...

— Тук-тук...— кто-то тихонько стучит в дверь, как царапается. Кто? Верно, это её бесценная Танюша. Параша вскочила, подбежала к двери. Так и есть! Таня с букетом фиалок.

— Ах, Пашенька, миленькая, как я тебя люблю!.. И сказать не могу!.. Хочешь, выпрыгну в окно?

— Что ты?! — испугалась Паша.— Глупенькая! Ты же у нас лучшая танцорка... Угомонись.

— Нет? Тогда давай клятву дадим!

— Какую? — спросила улыбаясь Паша.

— Чтоб всю-всю жизнь вместе!

Паша посмотрела на подругу долгим взглядом и очень серьёзно сказала:

— Согласна. На всю жизнь! Я тебе верный друг.

И они бросились друг к другу в объятия.

Потом Таня заговорщически прошептала:

— А какой подарок тебе велели сделать граф!

— Какой?

— А вот знаю и не скажу!

Граф приказал накрыть праздничный стол в своей столовой и пригласил всех артистов.

Торжественно играли музыканты, слуги подавали одно блюдо за другим. Граф был милостив, говорил любезные слова: мол, жемчужина она в его театре.

А потом, словно по мановению руки графа, случилось чудо: в комнату ввели... сестру Матрёшу! Параша вскочила. Лицо её просияло счастьем. Как добр к ней граф!

...Вечером, когда все разошлись, Таня, Параша и её сестрёнка слушали, как заливаются в парке соловьи. А потом запели, как, бывало, певали дома, с матерью:

Ой да ты поле моё,
Всё-то ты да поле изукрашено
Травушкой-муравушкой, цветочками да василёчками...

Таня шепнула:

— Ты видела, Пашенька, как смотрел на тебя граф? Ой, как глядел! Любит он тебя...

Параша испугалась:

— Что ты говоришь, опомнись, Таня!

Гнев ли, любовь ли господская — не надо, не надо!

ХОРОШО ТЕБЕ, КЛЁН!

Служанка, бедная родственница, воспитанница, горничная, милая пастушка — сколько сыграно ролей!

Добрая, милая, простая — эти качества её героинь — черты её собственного характера. Легко играть себя.

Встретит Параша во дворе бабку Арину — та еле-еле идёт.

— Что с тобой, баба Арина? — спросит Параша.

— Стара стала — ноги не ходят, спина деревянная. Отправят меня назад, в деревню, что стану делать?

— Как же? — говорит Параша.— Там лекаря нет, и детей у тебя нет, помочь некому...— Лицо Параши выражает такое сочувствие, что бабе Арине уже вроде и легче.

— Поговори с его сиятельством...

Конечно, Прасковья Ивановна просит графа не отправлять старушку в деревню. И граф не отказывает любимой актрисе.

Своим героиням актриса так же горячо сочувствовала, как и людям, с которыми встречалась в жизни. А как часто жизнь её героинь напоминала ей её же собственную жизнь. Такие роли подбирал ей граф.

Граф и в самом деле полюбил свою крепостную актрису Прасковью Ивановну Ковалёву-Жемчугову, хотел назвать её своей женой. Но разве это возможно? Жениться на крепостной? Общество его отвергнет, знакомые отвернутся, родные проклянут.

...В пьесе французского писателя Вольтера рассказывалось о том, как герой полюбил бедную воспитанницу Нанину. Семья же принуждала жениться на избалованной, капризной баронессе.

Читали пьесу, как обычно, вслух. Все невольно замерли, когда Шереметев произнёс слова:

Удержит ли меня её простое званье?
О нет! В ней много так ума, образованья!
Неужто посмотрю, что скажет свет?..

Параша низко опустила голову: это же мучило её в жизни... А какой ответ приготовил автор пьесы, Вольтер?

Пускай кричат, его я мненье презираю
И счастья своего на блеск не променяю.

Граф был смел, но неужели, правда, можно презреть мненье света?

Героиня в пьесе говорила:

Жестокое мученье — иметь
Высокий дух и низкое рожденье!

Параша совсем опустила голову. «Жестокое мученье — иметь высокий дух и низкое рожденье!»

Однако графу и в голову не приходило написать «вольную» своей актрисе. Шереметев уверен: его крепостным так хорошо, что только неблагодарный может проситься на волю.

Крепостной архитектор Миронов умолял Шереметева отпустить его на волю: «...Приходя в совершенное изнеможение, прошу Ваше сиятельство, премилосердный государь, покажите мне Ваше снисхождение, благоволите отпустить меня на волю... дайте спокойно окончить остаток дней». Шереметев на письме Миронова написал: «Вразумить Миронова, что таким наглым и безумным образом от господина просить ничего не дозволено».

Их сиятельство граф поселил актрису в графском доме. Затем стал строить театр-дворец в Останкине, дворец для крепостной. Он оказывал ей всяческие знаки внимания, дарил дорогие подарки, обещал даже «вольную» семье.

Актриса принимала подарки без восторга. Благодарила, придавая бриллиантам не больше значения, чем букету васильков.

И опять приходила Прасковья Ивановна к любимому клёну, что вольно рос на широкой поляне. Рос свободным и сильным, и потому постоянно шептали о счастье его багряные листья.

А счастлива ли она, Параша? Счастлива, конечно, своей жизнью в театре. Счастлива и любовью графа. И дружбой Тани. И благодарными слезами бабы Арины.

Да только скучно, однако, в неволе. Клёну этого не понять. Растёт, радостно тянется и ввысь и вширь весёлое дерево.

Хорошо тебе, клён!..

«МОЯ СУДЬБА В МОИХ РУКАХ!»

Девушка по имени Элиана любит храброго воина. Однако они не могут пожениться, так как у народа, который зовётся самнитяне, есть закон: старейшина решает, кого выбрать юноше в жёны. Лишь в исключительных случаях,— когда юноша отличился особой храбростью, вернулся с войны победителем,— он сам решает свою судьбу.

Девушки у самнитян тихие, послушные. Только Элиана, роль которой в спектакле «Браки самнитян» исполняет Параша Жемчугова, не хочет жить так, как велят старейшины. Хочет жить так, как велит сердце.

В те времена театральное действие не похоже было на сегодняшние постановки. Актёры обращались не к тому человеку, с которым разговаривали, а к публике, к залу. И зрители хорошо видели на лице актёров все оттенки чувств.

Лицо Элианы-Жемчуговой бледно, глаза горят, тонкие руки вытянуты вперёд. Она хочет идти туда, где сражается её возлюбленный,— на войну. Высоким голосом она поёт свою арию:

Любовь нас может съединити,
Когда закон противен нам.
Хотя нельзя нам вместе жити,
Но можно жизнь окончить нам.

Да, лучше вместе умереть, чем жить врозь!

Старая самнитянка недовольна Элианой, она «содрогается речей сих». А Элиана отвечает:

«Мне содрогаться? Содрогаются одни только преступники... Если бы мы могли мыслить и чувствовать сами собою, то кто бы осмелился господствовать над нашими сердцами?.. Если бы от самого детства мы не были приучены к налагаемому на нас игу и не покорили ему наших мыслей...»

Раздаётся торжественная музыка. Героиня берёт лук, колчан, стрелы и уходит на войну, за своим любимым...

Задвигается голубой занавес. Параше надо бы отдохнуть. Но она не отдыхает, она через щёлку в занавесе смотрит в зал. Что там?..

Зажглись сотни свечей. В графской ложе, в большом кресле, похожем на трон,— император Павел I. Рядом его сиятельство граф. Улыбается? Как будто даже поглядывает на сцену, догадывается небось, что Параша волнуется.

А в зале важные сановники, увешанные крестами и звёздами. Их

дамы сверкают драгоценностями. Ох, как нелегко Прасковье Ивановне на таких представлениях! То ли дело в Кускове летом, когда собирается множество зрителей, и только малая часть из них сановники, а больше из окрестных мест, люди простые.

Понимают ли сегодняшние зрители, что хочет сказать им она, Прасковья Ковалёва, простая крестьянка, великая, по мнению графа, актриса?

Щёки так пылают, сердце так бьётся, что Параша вынуждена всё же пойти к себе в кабинет — отдохнуть. Скоро снова на сцену.

...Враг отражён. Под звуки марша самнитские воины входят на сцену, несут захваченное в битве оружие. Храбрых героев чествует народ. Однако кто этот воин, что спас вождя? В головном уборе, украшенном перьями и драгоценными камнями, в зелёном плаще? Самнитянки осыпают воина цветами. Он — герой, он имеет право сам выбрать себе жену. Кого он выберет? Снят шлем — и рассыпаются волосы. Все видят, что храбрый воин, спасший вождя, — девушка, Элиана!

— Браво, браво! — кричат в зале. Аплодирует даже всегда всем недовольный император. Даже просит отдать Жемчуговой перстень со своей руки. Такова монаршая милость.

...Гости разъехались. Экипажи движутся от Останкинских ворот в Москву. От Останкинских ворот до первой заставы Москвы путь освещён горящими бочками. В бочках — осмолённый горох. Горит в ночи видимо-невидимо огней. Тьма от этого гуще, чернее.

Прасковья Ивановна глядит на огни, как будто зовущие куда-то в черноте ночи, и думает про перстень, который ей подарил сегодня император. Сделает ли этот перстень её счастливее?

В черноте ночи видится Прасковье Ивановне клён с весёлыми листьями, давний её дружок, вольно растущий на широкой поляне. Видится Элиана, сражающаяся за счастье быть свободной. Видится мать, поющая тихим голосом про вольную волю над синей озёрной водой...

В ПЕТЕРБУРГЕ, НА ФОНТАННОЙ УЛИЦЕ

„Ехи» — такого слова сейчас нет. А тогда, двести лет назад, оно означало плохие слухи, ехидные разговоры.

Родственники и знакомые давно были недовольны поведением графа. Во-первых, он играл на виолончели вместе с актёрами-крепостными. После окончания спектакля мог уйти с актёрами, даже не попрощавшись с именитыми гостями. Во-вторых, появлялся на представлениях в театре рядом с ней, актрисой, дочерью кузнеца, крепостной. Они не кланялись ей, не замечали её, разумеется, не пригла-

шали к себе. Мало того, сами крепостные, по наущению господ, дразнили её — посылали мальчишек с записками: «Надо коня подковать».

...Шереметеву велено ехать в Петербург. Целый поезд лошадей нагрузили: актёры, музыкальные инструменты, костюмы, декорации... Долго тащились по расхлябанным дорогам. Прибыли в столицу, в графский дворец, что стоял на Фонтанной улице.

Граф произведён в обергофмаршалы. Целыми днями пропадал он теперь в Гатчине, в Павловске, в Зимнем дворце. Там, где царь и царская семья. Обеды, заседания, парады, приёмы — всюду должен быть первый вельможа России.

— Ах! — щебетали дамы.— Первый богач, первый жених, первый красавец!

Параше роскошный дом на Фонтанной улице казался золотой клеткой. Не играли спектаклей, не принимали гостей. С Таней Шлыковой

сидели наверху. Было тихо. Только сквозь толстые стены дворца доносились «дурные ехи»...

Грустные мысли — рассадник болезней.

В туманном Петербурге, с его сырым воздухом, дождями, в груди Параши всё чаще возникали хрипы. Она кашляла. «Чахотка», — говорили врачи.

Когда граф увидел, что жить Прасковье Ивановне осталось немного, решился. Испросил у государя разрешение жениться.

Венчание у них было с плохими приметами. Первая — когда ехали венчаться, конь споткнулся. Вторая — кольцо в церкви упало у батюшки, не успел надеть...

КАК ОТЗВЕНЕЛ КОЛОКОЛЬЧИК

— Ты не грусти, Пашенька,— говорила Параше верная подруга Таня.— Всё ещё воротится. Вот приедем домой, в Останкино, и опять петь, танцевать будем.

Актриса брала арфу, перебирала струны, благодарно глядя на Таню, и говорила:

— Скучаю я без театра. Петь бы! Да так, чтобы не одни гости графские слушали, а чтоб для всех...

Задумчиво глядела на Таню Шлыкову первая актриса русского крепостного театра Прасковья Жемчугова. Видела в Таниных любящих глазах маленькую девочку Парашу, которую мать ласково звала лесным колокольчиком. Видела клён на широкой поляне. Слышала, как шепчутся о счастливой судьбе его резные листья. Как о том же плещут голубые озёрные волны. Как поют деревенские бабы в синем подмосковном лесу...

Шла утица по бережочку,
Шла утица по крутому...

Как хотелось и ей вступить в знакомую песню!

Как хотелось ей выйти на сцену! Чтобы над головою высокое небо, а вокруг сцены — такое множество людей, что не охватишь взглядом. Из городов, из сёл, из деревень...

Но... не суждено было больше петь ей в любимом театре.

Кончилась песня соловья.

С клёна упали листья.

И колокольчик отзвенел.

Было Прасковье Ивановне Ковалёвой-Жемчуговой тридцать три года.

СОДЕРЖАНИЕ

